

И.С. Свенцицкая

ЖЕНЩИНА В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ*

Общественное мнение античного мира не признавало равенство мужчин и женщин. Аристотель в "Поэтике" (15) писал, что женщина может быть благородной, хотя она – существо низкое. Такое восприятие женщины сохранялось в той или иной степени на всем протяжении существования языческой древности. Цельс, полемизируя с христианскими догмами в своем "Правдивом слове" писал, что если бы бог хотел отправить на землю Дух, зачем его было вселять в столь нечистое место как чрево женщины – (*Orig.c.Cels. VI.73*). В то же время он – в рамках традиционной мифологии – допускал, что бог может влюбиться в прекрасную и царственную женщину. В первые века нашей эры появлялись восхваления женщин (Плутарх даже создал специальное сочинение – "О доблестях женщин"): главными женскими добродетелями почитались скромность, верность, героическая защита своей чести. Наставления, порой звучащие слишком назойливо, говорили скорее о желаемой, чем о реальной ситуации. Недаром Плутарх в первой же фразе своего сочинения подчеркивает несогласие с Фукидидом, по мнению которого, наилучшая женщина – это та, о которой меньше всего говорят чужие, безразлично, в порицание или в похвалу. Моралист Плутарх считает, напротив, что и женщинам надо воздавать хвалы. Однако наряду с восхвалениями героинь, как правило, ушедших времен, в эту же эпоху было распространено представление о женщине как носительнице темного начала; в литературе появляются образы ведьм, отравительниц, связанных со страшной богиней подземного мира Гекатой. Можно вспомнить колдуний, распутниц, женщин-убийц из романа Апулея "Золотой осел", например, жену, убившую своего мужа из вставной новеллы о фессалийских ведьмах (II.18) или ту, которая "несчастливого мужа вводила в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянному блуду, оскверняя свое тело" (IX.14). Между этими двумя полюсами восприятия находилась реальная женщина, жившая в конкретных социальных и семейных условиях. Положение женщин – и прежде всего, ее самосознание изменилось в первые века нашей эры.

---

* © И.С. Свенцицкая, 1995.

Елена, мать императора Константина. Фрагмент росписи потолка в Трирском соборе

Для этой эпохи характерен распад семейных связей (и не только среди высших слоев римского общества), с одной стороны, и желание женщин играть самостоятельную роль в общественной жизни – с другой. Выборочный статистический анализ надгробных надписей из трех районов Малой Азии показал, что значительное количество надгробий поставлено супругами друг другу (без упоминаний детей) – от 44 до 53% от общего числа сохранившихся эпитафий; дошли и одиночные надгробия, поставленные "себе при жизни" (в том числе, и женщинами)¹. В одной из надписей на приготовленном заранее склепе владелец его указывал, что там будет похоронена его жена, если только она останется его

¹ Подробнее об этих расчетах см.: *Свенцицкая И.С., Годер Д.Г. Семья в городах провинции Азия в II–III вв. // Город и государство в античном мире. Л., 1987.*

женой (МАМА. VIII.576). При распаде брака дети не всегда оставались с отцами; так, в Афродисии в одном склепе с владельцем должен быть похоронен и пасынок (сын жены), причем нет указаний на усыновление (МАМА. VIII.559). Распад семейных связей, ослабление гражданской солидарности меняли положение женщин из низов населения, приводили к увеличению слоя работающих женщин. Женщины были вовлечены в текстильное производство в качестве прядильщиц – весьма непрестижная профессия. Цельс, чтобы подчеркнуть низкое происхождение Иисуса, называет его мать нищей пряхой (хотя в евангельских текстах таких сведений не содержится). Были женщины, зарабатывавшие себе на жизнь (и подчас неплохо) торговлей; в "Деяниях апостолов" упоминается Лидия, продававшая пурпурные ткани и имевшая собственный дом; характерно, что она была переселенкой из Малой Азии в Македонию (16:4). Были женщины-актрисы, в частности, участвовавшие в мимах; неоднократные упоминания в христианской литературе блудниц говорит о распространении и этой древнейшей профессии. Что касается женщин из верхов провинциального общества, то они активно стремились играть ведущую роль в жизни своего города. Многочисленные надписи упоминают знатных женщин в качестве благодетельниц полисов. Появляются такие титулы как "Дочь города" и "благодетельница полиса" (IGRR.III. 704), "Мать полиса" (МАМА. VIII.492); женщины эти обладали большими средствами, на которые возводили общественные сооружения, они занимали должности жриц императорского культа и местных божеств (например, Планкия Магна – демиург города, жрица императора и Великой матери), выступали в качестве агонотетов – организаторов празднеств (IGRR.IV.656); их провозглашали почетными председателями союзов, образованных вокруг гимнасиев (Ibid. III.584; IV.687). Женщины стремились проникнуть в мужские союзы: так, женские имена встречаются в списке герусии города Себасте (II в. н.э. – Ibid.IV.690), но их было очень мало, всего три. В отдельных случаях женщины пытались создавать свои объединения вокруг гимнасиев (вероятно, по образцу союзов старцев и "молодых"): в г. Дорилее (Малая Азия) существовала "гимнасиарх женщин" (Ibid. IV.522). Вопрос об участии женщин в частных религиозных союзах не вполне ясен. В некоторых уставах союзов оговорено разрешение присутствовать на празднествах женам членов союза, но сами они полноправными членами, по всей вероятности, не являлись². В объединениях вокруг культа Диониса входили мужчины и женщины, но их собрания проходили раздельно³. В I в. до н.э. в малоазийской Филладельфии был создан союз, куда на равных правах входили рабы и

² Sokolowski F. Lois sacrées de cités grecques. P. 1969. N 20.

³ Ibid. N 181; Nilsson M.P. The Dionysiae Mystery of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957. P. 9.

свободные, мужчины и женщины⁴, но такие союзы были исключением. Такое положение было не только в античном обществе; в Кумранской общине женщины также не могли быть полноправными членами.

Честолюбивые стремления женщин разных слоев наталкивались на стойкую традицию недопущения их к активной общественной и политической жизни, к таинствам мужских религиозных союзов. Не удивительно, что христианская проповедь, обращенная, по существу, ко всем социально или морально обездоленным, не разделявшая женщин и мужчин, нашла отклик в душах первых. Евангелия Нового завета позволяют говорить о том, что женщины занимали определенное место среди последователей Иисуса. Женщины сопровождают его, он исцеляет их, посещает их дома. В Евангелии от Луки рассказывается, что женщины, рыдая, провожали его к месту казни (Лк.23:28). Марк называет поименно женщин, стоявших у креста, которые пришли с Иисусом из Галилеи и служили (*διηκόνουν*) ему (Мк.15:40–41). В дальнейшем, когда христианские еkkлeсии появились за пределами Палестины, женщины продолжали к ним примыкать. В "Деяниях апостолов" и посланиях Павла упоминаются женщины-христианки, в том числе и поименно. Христианство принимали супружеские пары (например, соратники Павла Акила и его жена Прискилла – ДА. 18–21); родственницы христианских проповедников (четыре дочери диакона Филиппа – ДА.21:9); в "Послании к римлянам" Павел приветствует некую Юнию, которую он называет своей родственницей, Нирея и его сестру (16:7,15). Судя по именам, среди женщин могли быть иудеянки (Мариам), возможно вольноотпущенницы (Юния и Юлия); имя Персида могло принадлежать рабыне (Римл.16). Но к христианам приходили и одинокие женщины, какой была Лидия – торговка, переселенка из Тиатир. Переселенкой, судя по имени, была и Дамарь, которая последовала за Павлом во время его проповеди в Афинах (ДА. 16:14; 17:34). Переселенки, лишённые традиционных связей, обретали в христианских общинах не только надежду на спасение, но и ощущение разрушенного единения как внутри небольшой реальной группы верующих, так и в братстве всех христиан, которые при всей своей малочисленности почитали себя жителями ойкумены. Интерес представляет еще одна женщина-христианка, мать соратника Павла Тимофея: она была "уверовавшая" иудеянка, а муж ее был эллином. Мы имеем дело здесь со смешанным браком, который был запрещен иудейскими религиозными нормами. Жена в таком браке должна была чувствовать себя отступницей, и христианство, еще не порывавшее с иудаизмом, но уже создававшее новую систему ценностей, должно было дать ей точку опоры.

⁴ *Sokolowski F. Lois sacrées d'Asie Mineure. P., 1954. N 20.*

Портрет римлянки. Рим. Около
400 г. н.э.

Среди женщин, следовавших за первыми христианскими проповедниками, были и те, кто происходил из высших слоев общества: во всяком случае, этот факт особо подчеркивается в "Деяниях апостолов": так, в Фессалонике к Павлу и Силе присоединилось немало женщин "из первых" (в синодальном переводе – знатных – 17:4); а в Берое уверовали, наряду с мужчинами "благородные" (τῶν εὐσχημόνων, в синодальном переводе – почетные: 17:12; характерно, что оба эпитета отнесены только к женщинам). Можно

предположить, что первыми из верхов городского населения восточных провинций к христианам приходили именно женщины.

Нехристианские источники также подчеркивают активное участие женщин в христианских ектлесиях. Целья упоминает о проповедях "глупым женщинам", о том, что собрания проводятся на женской половине домов (IV.55). Лукиан, рассказывая в своем сочинении "О кончине Перегрину", как его героя посадили в тюрьму за приверженность христианству, пишет, "Уже с самого утра можно было видеть у тюрьмы каких-то старух, вдов, детей-сирот" (имеются в виду христиане, стремившиеся помочь Перегрину) (*Lucian.12*).

Вероучительным обоснованием принятия женщин в христианские общины была идея об единении всех верующих во Христе, независимо от этнических, социальных и половых различий, сформулированная Апостолом Павлом: "Нет уже иудея, ни язычника (в греческом тексте – эллина); нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" (Гал. 3:28). Все различия свойственны земному, переходящему миру, и не имеют значения для мира Духа. В гностических учениях эта идея полного слияния мужского и женского нашла свое наиболее полное воплощение.

Единение во Христе и равенство в вере подразумевало и активную проповедническую деятельность христианок. В Послании к филиппийцам Павел обращается к двум женщинам – Евдокии и Синтихии и просит своего сотрудника помогать им, "подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом..." (4:22–3). Таким образом, можно думать, что эти женщины (а их имена упомянуты на первом

месте в обращении Павла в четвертой главе послания) проповедовали евангелие вместе с мужчинами. Женщины-христианки пророчествовали в собраниях христиан; так, обладали этим даром четыре дочери диакона Филиппа из Кесарии (он назван также "евангелистом" – ДА. 21:8–9). О том, что подобные пророчицы существовали и в других общинах, свидетельствуют слова Павла, который в Первом послании к коринфянам устанавливает правила поведения в молитвенных собраниях: в частности, женщины, молящиеся или пророчествующие, должны быть с покрытой головой (11:5). В экклесиях первых веков были диакониссы; к ним относится Фива, диаконисса "церкви Кенхрейской", которую просит принять Павел в Послании к римлянам и называет ее своей помощницей (16:1–2). Диакониссами были и рабыни-христианки, которых допрашивал Плиний Младший во время расследования дела о христианах в Вифинии (X.96.8 – *ministrae*)⁵.

В харизматических общинах эмоциональность и экстатичность женщин должны были иметь благоприятную почву для выражения. Однако это создавало и определенные трудности для внутренней жизни христианских экклесий. В том же Первом послании к коринфянам, где Павел говорит о пророчествующих женщинах, он формулирует правила поведения во время молитвенных собраний. Таким правилом было требование женам молчать: "если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих, ибо неприлично жене говорить в церкви" (14:35). В Первом послании к Тимофею это требование повторено: "Жена да учится в безмолвии со всякою покорностью" (2:11). Историк христианской церкви М.Э. Поснов полагает, что эти положения "очень трудно примирить" с фактом признания Павлом пророчествующих женщин⁶. Можно предположить, что пророчествовали только незамужние женщины (о дочерях Филиппа, в частности сказано, что они были девицы), но никаких ограничений для пророчеств ни в "Деяниях апостолов", ни в посланиях Павла не оговорено; мне кажется, что требование молчания не относилось к настоящим пророчицам; недаром после наставлений женам Павел добавляет: "Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. А кто не разумеет, пусть не разумеет" (14:37–38). Но как традиционное отношение к женщине, так и открытое проявление эмоций, свойственное фанатично уверовавшим женщинам, лежали в основе стремления Павла упорядочить проведение

---

⁵ О женщинах-диакониссах в первых христианских общинах см.: Die Frau im Urchristentum. Freiburg, 1987. S. 320 f. Интересно отметить, что в средние века некоторые женские имена из посланий (например, Юлия) интерпретировались как мужские. См.: Ibid. S. 328.

⁶ Поснов М.Э. История христианской церкви. М., 1990. Ч. 17 С. 79. Он отмечает, что женщина играла большую роль в жизни христианской общины и пропаганде ее учения.

собраний христиан. Вероятно, женщины претендовали и на руководство такими собраниями: в Первом послании к Тимофею (которое не все ученые относят к подлинным посланиям Павла, но, возможно, составленном после его смерти учениками), автор его пишет: "Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения" (2:8). Подчеркнутое пожелание, чтобы молитвы (перед собранием) возносили мужчины, говорит за то, что такой порядок еще не стал правилом во всех христианских еkkлeсиях.

Другой реальной проблемой, которая стояла перед христианскими проповедниками в связи с участием в еkkлeсиях женщин наравне с мужчинами, было отношение между полами. Отсутствие семейных связей у многих женщин при сознании, не всегда достаточно глубоко понятого единения в вере привело к тому, что Павел в Первом послании к коринфянам называл "блудодеянием": "Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое, какого не слышно даже у язычников, что некто вместе жены имеет жену отца своего" (5:1). Далее Павел требует изгнать блудодеев из своей среды и не общаться с ними, причем апостол подчеркивает, что речь идет именно о блудодеях из христиан, а не внешних, которых будет судить Бог⁷. Не случайно в этом Послании содержатся наставления по поводу брака или безбрачия (7:1–16). Павел не требует аскетизма; он даже признает брак между христианами и язычниками и выступает против развода с неверующим супругом по инициативе христианина (христианки): только если неверующий хочет развестись, то пусть разводится. Павел, таким образом, стремился упорядочить этот аспект отношений внутри христианских общин (как и многие другие – свободных и рабов; христиан, имевших между собой тяжбы и т.п.).

Проблема женщин, конкретно, вдов-христианок затронута в Первом послании к Тимофею. Судя по этому посланию, на содержании общины находилось большое количество вдов, что было достаточным бременем, ложившимся на ограниченную казну общины. Автор послания полагает, что те, у кого есть родственницы-вдовы должны сами о них заботиться, чтобы община могла "довольствоваться истинных вдовиц" (5:16). По-видимому, для оказания помощи вдовам избиралась одна; она должна была соответствовать требованиям: быть не моложе 60 лет, будучи один раз замужем, известная по добрым делам, воспитавшая детей, принимавшая странников и т.п. Резко выступает автор послания против молодых вдовиц, которых не следует принимать (имеется в виду – на содержание). Такие вдовы, по словам автора послания, впадают

---

⁷ Возможно, столь распространенные обвинения против христиан в разврате при всем злом преувеличения (см., например: *Octav.* 9) имели некоторые основания в свободном поведении женщин внутри первых христианских общин.

*Заворачиваемая женщина.
Надгробная статуя. Аквилея.
II в. н.э.*

*Изображение женщины-христианки
из катакомб. Иордания. III в. н.э.*

в роскошь в противность Христу; притом они, "будучи праздны, приучаются ходить по домам, и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно" (5:11–13). Поэтому молодые вдовы должны вступать в брак, рожать детей, управлять домом. Разумеется, эти раздраженные слова в адрес молодых женщин совсем не отражают поведения всех – и даже большинства – христианок, но говоря о роли женщин внутри христианских общин, мы не должны забывать и о тех реальных конфликтах, которые порождало участие их в еkkлeсиях наравне с мужчинами.

В течение II в. по мере складывания иерархической церковной организации женщины были оттеснены от активной проповеднической деятельности и религиозной службы. Это касается прежде всего того направления в христианстве, которое стало ортодоксальным, но в других течениях II–III вв., условно называемых еретическими, женщи-

ны продолжали играть значительную, а иногда и ведущую роль. Так, Тертуллиан, рассказывая о поведении еретиков, с возмущением пишет: "А женщины их чего только не позволяют? Они осмеливаются учить, вступать в прения, заклинать, обещать исцеление, и, может быть, и крестить" (Praescr. haer. XLI). В последнем Тертуллиан не был уверен; он еще раз пишет о возможности совершения обряда крещения женщинами в другом сочинении (De bapt. XVII): "Некоторые жены, как было указано, присвоили себе право учить. Неужели они будут настолько дерзки, что осмелятся также крестить?". Он называет и конкретных женщин, связанных с неортодоксальными учениями: так, он говорит об ученике Маркиона Апеллесе, который был соблазнен женщиной по имени Филумена и под ее диктовку писал откровения (Praescr. haer. XXX). В этом случае, вероятно, можно думать не о простом "соблазнении", а о сознательной проповеди в паре, символизирующей единство мужского и женского начала, что явилось следствием гностических влияний.

В движении монтанистов, выступавших против епископальной церковной организации, большую роль играли женщины: пророчицы Прискилла и Максимилла, на которых, по их словам, сошел Дух ("Параклет"). Возможно, они не только устно пророчествовали, но и записывали свои речения: во всяком случае, Ипполит, говоря о фригийской ереси, пишет что еретики получили "от них" (т.е. от Прискиллы, Максимиллы и Монтана) "божественные книги" (Philos. VIII. 19).

В III в. в каподокийской Кесарии возникло движение, возглавляемое женщиной. Суть этого движения неясна – о нем сообщил кесарийский епископ Фирмилиан Киприану (Supr. Epist. XXV); известно, что эта женщина проповедовала от имени святого духа (т.е. тоже была своего рода пророчицей), сама совершала главные христианские таинства – крещение и евхаристию. Сила ее внушения была такова, что к ней присоединились местный диакон и пресвитор. Странники ортодоксальной церкви объявили ее орудием "нечистого духа", и движение, по видимому, сошло на нет. Эти примеры показывают, что женщины занимали существенное место в тех течениях христианства, которые продолжали традиции харизматических общин. В рамках ортодоксальной организации женщины довольно долгое время продолжали сохранять свои позиции в качестве диаконисс, например, в сирийских церквях⁸; диакониссы упоминаются в христианских надгробиях Малой Азии, где иногда они названы диаконами (МАМА. I.194, 324, 383; VII. 91; VIII.64, 318). Женщины из высших слоев общества, приверженные христианству, много сил и средств отдавали благотворительности на пользу церкви: на их землях сооружались подземные кладбища, в их домах собирались христиане и устраивались службы (так называемые tituli);

⁸ Die Frau im Urchristentum. S. 335.

впоследствии некоторые из таких владелиц были сделаны святыми (Сабина, Бальбина, Анастасия – в Риме; некоторые катакомбы также названы по имени тех, кто предоставил земельные участки – катакомбы Присциллы, Домитиллы, Коммодиллы, Агнессы, Оттавиллы и др.⁹). Среди подобных женщин были, по всей вероятности, женщины замужние (в сочувствии к христианам подозревалась даже жена Диоклетяна), любовницы высокопоставленных лиц (например, Марция, любовница Коммода), но главными героинями христианской литературы II–III вв. становятся девственницы, готовые пожертвовать жизнью во имя сохранения своей чистоты. Новозаветное христианство вполне терпимо относилось к браку; ближайшие ученики Иисуса имели жен (например, Петр, чью тещу исцелил Иисус), а Павел, как уже говорилось, в некоторых случаях даже рекомендовал вступление в брак. Однако для христианок, не имевших возможности реализовать себя в пророческом экстазе (ибо в ортодоксальной церкви от имени Бога выступали только клирики) подвиг воздержания становится своего рода сублимацией, трансформацией эмоционального влечения, с одной стороны, и стремлением к героической роли, с другой. Женская аскеза зародилась в христианстве, возможно, не раньше мужской, но именно эта аскеза раньше стала предметом восхваления и восхищения. Примером могут служить "Деяния Павла и Феклы", созданные в конце II в. Хотя в названии апокрифа на первом месте стоит имя Павла, главной героиней этого произведения была Фекла, страстная девственница, претерпевающая муки во имя сохранения своего девства¹⁰. По своему жанру "Деяния Павла и Феклы" – любовный роман "наоборот", где место любви земной занимает любовь духовная, но обладающая столь же сильной эмоциональностью. Фекла настолько любит своего духовного наставника Павла, что сам Иисус – чтобы поддержать ее в минуты мук – принимает облик Павла (что могло показаться кощунственным многим читателям, но что достаточно точно отражало женскую психологию). Тертуллиан (*De bapt.* XVII) утверждает, что деяния были написаны неким пресвитором из Азии от имени Павла (хотя дошедший до нас рассказ ведется от третьего лица), он был в этом уличен, лишен сана и изгнан из церкви; можно думать, что не только псевдоавторство, столь распространенное при создании апокрифической литературы, послужило причиной сурового наказания, но и содержательная сторона сочинения. Однако "Деяния Павла и Феклы" оставались любимым чтением христиан и были переведены на многие языки. В пассионах мучениц часто подчеркивается их девственность; существует серия христианских преданий о благочестивых девах, ко-

⁹ *Catacombs and Basilicas.* Firenze, 1989. P. 6.

¹⁰ Этот апокриф в переводе С.С. Аверинцева опубликован в кн.: *От берегов Босфора до берегов Евфрата.* М., 1987. С. 128 и след.

торые кончают самоубийством во времена Диоклетиана, чтобы не быть обесчещенными¹¹. Девственность была не только литературным образцом: Киприан говорит о существовании в христианских общинах дев, причем к девам относились только те, кто давал обет целомудрия (Epist. VII.1). Таким образом, если во времена апостола Павла в еkkлeсиях были "истинные вдовы", то в III в. появились "истинные девы". Некоторые мученицы погибали по доносу тех, кто не мог добиться их любви¹². Возможно, с христианками-девственницами связана и одна не вполне ясная надпись из Лидии (Hellenica. XI–XII. P. 424. N 5): Аммиан, сын Антифонта ставит надгробие себе (подразумевается – при жизни) и Аполлонии, девственной жене (παρθενικῆ ἡυναικί), и верным, т.е. верующим, потомкам (эти слова идут после небольшой лакуны). Значит ли эпитет, примененный к Аполлонии, что она, став женой лишь формально, сохраняла обет девственности (тогда потомки для нее – не по прямой линии), или муж подчеркивает ее добрачную девственность (может быть, принадлежность к группе дев в христианской еkkлeсии) и непорочный образ жизни – выявить сложно, но представление о непорочности как важнейшей добродетели женщины-христианки отражено в этой надгробной надписи: оно вошло в сознание рядовых верующих.

Наряду с девственницами в христианских писаниях существуют и образы раскаявшихся грешниц. Интересен в этом отношении образ женщины из Деяний Фомы, созданных в III в. Юноша, обращенный Фомой, умоляет свою возлюбленную отказаться от плотских наслаждений; женщина отказывается. Тогда юноша, давший обет целомудрия, в отчаянии убивает ее. Апостол Фома, узнав о преступлении, воскрешает женщину, и она, очнувшись, рассказывает окружившим ее людям о путешествии своей души по аду, пока тело было бездыханным. Страшный черный человек, ее провожатый, показывал ей мучения грешников в ямах и пещерах: среди них были и прелюбодеи. Но по повелению Христа она вернулась к жизни. Грешница припадает к ногам апостола, умоляя о прощении; она дает обет во всем следовать учению апостола и вести непорочную жизнь¹³. В образе этой блудницы отразилось языческое представление о темной женской природе, которая даже христианина может толкнуть на преступление (мотивация убийства заключалась в том, что юноша не мог видеть, как она будет принадлежать другому). В то же время христиане провозглашали возможность победы над этой демонической сущностью, ее преобразования

¹¹ Лебедева Е.А. Гонения на христиан в Римской империи. СПб., 1904. С. 75.

¹² Такова была судьба Потамиэны, казненной при Септимиусе Севере; о ней рассказывает Евсевий (HE. VI.5).

¹³ Acta Thom. 51–52 (нумерация по изд.: Acta Philippi et Acta Thomae / Ed. M. Bonnet. Lipsae, 1903).

раскаянием и страхом перед наказанием: блудница может стать святой. Тем самым снималось противоречие в восприятии женского начала и создавался образец, к достижению которого должны были стремиться христианки.

Мы остановились только на некоторых аспектах проблемы, связанной с участием женщин в христианском движении первых веков его существования. Роль женщин в распространении нового учения бесспорна, но она менялась во времени и, как мы старались показать, ставила перед проповедниками и богословами сложные этические проблемы.